
Vladlen
Нежный
хищник

Vladlen

Нежный хищник

«Автор»
2026

Vladlen

Нежный хищник / Vladlen — «Автор», 2026

Следователь, для которого ложь звучит громче правды, и мать, привыкшая справляться одна. Их сводит дело, где молчание опаснее слов.

© Vladlen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Vladlen
Нежный хищник

Глава 1

Покровский Дмитрий Владимирович, тридцать лет, холост…

На этой строчке Дмитрий запнулся. Ему хотелось поменять статус своего семейного положения. Но из-за своей особенности, сделать это он не мог.

- Товарищ майор, вас ждут

За дежурным закрылась дверь.

Дмитрий сделал глубокий вдох и вышел из своего небольшого кабинета. Ему снова предстоит окунуться в чужие эмоции.

Особенность у него была редкая, почти невероятная, и во всём ведомстве о ней знали единицы, но говорить вслух избегали. Дмитрий чувствовал чужую ложь. Не угадывал, не читал по лицам - просто ощущал, как ощущают холод сквозняка или тяжесть чужого взгляда в спину. Ложь входила в него, оседала на языке металлическим привкусом, и чем крупнее была неправда, тем тяжелее становилось дышать. С годами он научился не морщиться и не отводить глаз, но избавиться от этого проклятия так и не смог - ни врачи, ни священник, к которому он однажды зашёл в отчаянии, ни один из тех, кто обещал «вылечить», ничего не добились.

Между тем работа его как раз и состояла в том, чтобы слушать ложь.

Он был старшим следователем по особо важным делам, и с тех пор, как он начал раскрывать все свои дела, к нему стали спускать самые глухие, самые запутанные дела - те, где слова расходились с фактами, а факты никого ни в чём не убеждали. Дмитрий шёл через показания, будто сапёр через минное поле, и там, где другие месяцами собирали доказательства, он за один разговор находил единственную фразу, из-за которой свидетель начинал потеть.

Но была у этой особенности и обратная сторона, о которой он предпочитал не думать.

Он шёл по коридору, и навстречу ему попадались люди. Дежурный лейтенант отрапортовал, что всё спокойно, и Дмитрий почувствовал лёгкую горечь - лейтенант врал, что не спал на посту. Уборщица тётя Валя сказала, что здорова, и во рту у Дмитрия остался привкус, будто он откусил кислое зелёное яблоко - тётя Валя уже третий месяц скрывала от всех, что у неё болит сердце. Даже секретарша, милая и безупречно вежливая девушка, пожелавшая ему доброго утра, сказала это так, что он понял: ей не хочется с ним разговаривать, она его побаивается.

Так и жил он последние двадцать лет, словно ходил по городу нагишом, но нагишом был не он - а все вокруг.

В кабинете его ждали двое. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом, но помятом костюме, с лицом человека, которому не впервые приходится объясняться. И женщина рядом - сухая, прямая, в тёмном платье, с сумочкой, которую она держала обеими руками так крепко, словно та могла вырваться и убежать.

- Садитесь, - сказал Дмитрий, обходя стол. - Рассказывайте.

Мужчина начал первым. Дело было простое на бумаге и запутанное в жизни. Пропали деньги, крупная сумма, из сейфа, который стоял в кабинете мужчины. Вор, по всем признакам, был свой. Подозревали бухгалтера, женщину, проработавшую там два года.

- Я не хочу её обвинять, - говорил мужчина. - Понимаете, я сам не верю. Но факты… два года вместе работали. Она знала код. Больше никто не знал.

Дмитрий слушал и чувствовал: не врёт. Говорит то, что думает. И это было хуже всего, потому что дальше мужчина добавил:

- А вчера она мне звонила. Просила прощения. Говорила, что не хотела, что так вышло.

Вот здесь Дмитрий насторожился. Он подался вперёд, всматриваясь в лицо говорившего.

- Дословно повторите, что она сказала.

Мужчина повторил, и с каждым словом во рту Дмитрия разливалась горечь - не сильная, но упорная, будто старая заварка. Он не врал о том, что слышал слова. Он врал о том, как понял их.

- Женщина, которая рядом с вами, - Дмитрий перевёл взгляд на спутницу, - кто она?

Женщина впервые подняла глаза. Голос у неё был ровный, будто выученный наизусть.

- Я жена его брата. Пришла поддержать. Мы не хотим, чтобы это вышло из семьи.

И во рту у Дмитрия стало так горько, что он едва не поморщился при ней. Жена брата врала. Но и это было ещё не всё.

Дмитрий откинулся в кресле. Он знал этот привкус. Так лгали не о деньгах. Так лгали о людях.

- Хорошо, - сказал он спокойно. - Сейчас вы оба напишете всё, что знаете, с самого начала. Без пропусков. А я почитаю.

Он вышел в коридор, прикрыл дверь и прислонился к стене. В висках стучало. Он достал из кармана таблетку и положил под язык - врач советовал это при «приступах», хотя приступы у него были не телесные.

За двадцать лет он понял одно. Люди лгут не потому, что злые. Люди лгут потому, что правда у них в долгу. И проще солгать, чем платить.

Семья - это ведь тоже своего рода обязанность, думал он, глядя на закрытую дверь. Обязанность говорить друг другу правду и прощать, когда её не говорят. У него такой семьи не было. И тот вопрос в анкете - «холост» - он не мог исправить не потому, что не хотел, а потому что не было человека, с кем можно было бы пройти по жизни, зная, что в этом доме врать бессмысленно и незачем.

Он вернулся в кабинет. Мужчина сосредоточенно писал, женщина сидела над чистым листом.

- Гражданка, - сказал Дмитрий, садясь напротив неё, - я задам один вопрос. Отвечайте прямо. Вы знали, что денег нет, раньше, чем это стало известно?

Она подняла голову. Лицо её дрогнуло - на одно мгновение, коротко, как взмах ресниц.

- Ничего я не знала, - сказала она. - Откуда?

И во рту у Дмитрия стало так горько, что он закрыл глаза.

Потом он открыл их, набрал номер и сказал в трубку:

- Соедините меня с отделом. Всю информацию по семье.

Дмитрий положил телефон, посмотрел на женщину и впервые за день улыбнулся - нехорошо, устало.

- Знаете, - сказал он тихо, - я бы вам всё равно не поверил. Просто в следующий раз лгите так, чтобы хотя бы себе было не так тяжело.

Но она не поняла, о чём он. И он был этому почти рад - значит, не все ещё научились.

Женщина смотрела на него без страха - с той усталостью, когда человек уже решил, что дальше будет только хуже, и перестал цепляться. Дмитрий знал этот взгляд. Он видел его у многих и всякий раз думал, что мог бы облегчить им жизнь одним движением, если бы умел врать так же легко, как они. Но он не умел. Всё, что он говорил, было правдой, и потому звучало либо приговором, либо насмешкой.

Мужчина за столом писал медленно, старательно, наклоняя голову к самому листу, будто почерк мог его выдать. Он не подозревал, что выдал себя уже давно. Он не знал, что денег давно не было, - он получил их от брата на дело, которое не задалось, и провёл год в уверенности, что сумеет вернуть. Он не лгал о разговоре и не знал, что женщина, которую он привёл как жену брата, приходила не поддержать его, а посмотреть, как далеко он готов зайти. Дмитрий мог

бы сказать это вслух, но пока не имел права. Он мог только сидеть и слушать, как в кабинете разливается чужая ложь, густая, как сироп.

К обеду всё закончилось. Женщину увезли, мужчину оставили в коридоре - он сидел на стуле у окна, всё ещё с ручкой в руке, и не понимал, почему его не отпускают домой. Дмитрий прошёл мимо него и ничего не сказал. Иногда молчание было единственным, что он мог честно предложить. На лестнице его догнал молодой помощник, спросил про вечерние показания, и Дмитрий ответил

- К утру.

Помощник кивнул, пожелал хороших выходных, и во рту у Дмитрия отозвалось тихо, почти незаметно - тот врал, он не желал ему хороших выходных.

Дома он снял пиджак, повесил его на спинку стула и долго стоял у окна. Осень в этом году была дождливая, город горел фонарями, и в их свете двор казался чужим. Он вспомнил анкету - графа, на которой запнулся утром, простая, короткая строчка, отнявшая у него больше сил, чем иные допросы.

Он мог написать «разведён» - и это было бы ложью. Мог написать «вдовец» - и это было бы притворством. «Холост» было единственным словом, которое не царапало язык, но в последнее время и оно начало горчить.

Он налил воды и сел за стол, глядя на телефон, в котором лежал номер женщины, с которой он встречался прошлой весной: сорок минут разговора, ни одной лжи, в конце - терпеливое «я позвоню». Она не позвонила.

Поздно вечером позвонили из отдела. Брат подозреваемого умер три месяца назад - несчастный случай на стройке, но документы были ровные, а вот свидетеля по тому делу так и не нашли. Дмитрий слушал, держа трубку у уха, и чувствовал, как в нём поднимается знакомое холодное спокойствие: это была не жалость и не азарт, а всего лишь понимание, что правда всегда лежит чуть глубже, чем о ней говорят, и что копать придётся ему. Он записал пару фамилий, поблагодарил и положил трубку.

Потом достал из ящика старую тетрадь, где двадцать лет записывал один и тот же вопрос разными почерками, и перечитал последнюю страницу. Там было всего несколько строк: «Правда не лечит. Она только показывает, где болит. Дальше человек идёт сам».

Он закрыл тетрадь и поставил её обратно. Утром снова будут люди, снова чужая ложь, и снова он будет сидеть напротив и молчать, пока не найдёт ту единственную фразу, после которой всё станет на свои места. Это была его работа - и, наверное, его жизнь.

Он выключил свет в кабинете и впервые за долгое время подумал, что когда-нибудь наступит день, когда напротив него никто не соврёт. И тогда ему придётся решать, что делать с тишиной, в которой не будет ни горечи, ни привычного металла на языке, - а будет просто человек, который наконец говорит правду, и не знает, что с этой правдой теперь жить.

Глава 2

- Дим, привет. Прости с Аней задержались на шопинге

Елена поцеловала Диму в щеку и направилась в ванну.

- А ванна тебе зачем?

Спросил Дмитрий, не поворачиваясь к ней

Легкая ее заминка, нервный смешок. Он все знал давно, знал и молчал. Не потому, что ему хотелось молчать, просто он в душе надеялся, что однажды она расскажет правду. Но ждать он устал.

- Я примерила кучу платьев, конечно, мне нужен душ

- Твои вещи стоят в углу, такси прибудет через пять минут. Ключи от моей квартиры оставь в коридоре

- Не поняла…

И снова горечь во рту.

- Ты все поняла. Прощай

Он так и не повернулся к ней лицом. Не хотел видеть ее лживые глаза. Читать людей он научился давно и ее всегда читал. Но сначала списывал на то, что она молода и ей хочется свободы, потом на то, что он вечно занят. Но теперь отговорки закончились.

- Дима, давай поговорим. Без скандала

Дмитрий повернулся к ней, и она отшатнулась.

В его взгляде не было ярости, к которой она готовилась. Там была пустота. Такая ровная, выстывшая пустота, от которой у Лены по спине пополз холодок.

Этот человек стоял напротив и смотрел на нее, как смотрят на незнакомую мебель в чужой квартире - без интереса, без злости, без узнавания.

- Говорить не о чем, - сказал он спокойно. - Я задавал вопросы. Ты отвечала. Складывал ответы, проверял. Не сходится. Я следователь, Лена, для меня это не сложно.

- Ты ничего не знаешь, - она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

- Знаю, - Дмитрий отошел к окну, сунул руки в карманы. - Двадцать третьего ты была не у матери. Мать в тот вечер звонила мне сама, спрашивала, почему ты не берешь трубку. Ты была с моим помощником. Дальше можно не продолжать, я не собираюсь перечислять.

Лена молчала. В коридоре тикали часы, которые он купил в первый месяц их совместной жизни, и этот звук вдруг стал невыносимо громким. Она сделала шаг, потом другой, села на край кресла. Руки сами потянулись к сумке, будто там можно было найти какое-то спасение.

- Я не хотела, чтобы так вышло, - сказала она тихо.

- Никто не хочет, - Дмитрий пожал плечами. - Это ничего не меняет.

- Дай мне объяснить. По-человечески.

- Ты сейчас будешь объяснять по-человечески то, что уже полгода делаешь по-своему. Я не дурак, Лена. И не злой. Просто я устал быть тем, кто ждет и делает вид, что не замечает.

Он повернулся. Лена смотрела на него снизу вверх, и в ее лице было столько отчаяния, что он почти дрогнул. Почти. Но память услужливо подбросила ему вечер, когда заметил ее в окне ресторана с мужчиной. И это была не деловая или дружеская встреча.

- Скажи хотя бы, что я тебе был нужен? - попросил он вдруг, и это прозвучало почти жалко, и он сам это понял.

- Конечно, нужен, - быстро ответила она. - Дима, ты мне очень нужен. Просто я запуталась, я…

- Вот здесь и остановимся, - перебил он. - «Запуталась» - это тоже ответ.

В дверь позвонили. Дмитрий посмотрел на часы и пошел открывать. Таксист, пожилой мужчина в кепке, спросил, кто едет, и Дмитрий кивнул в сторону гостиной. Лена осталась сидеть в кресле, глядя на свою сумку, как будто видела ее впервые.

- Вещи в углу, - напомнил он, вернувшись. - Я помогу спустить.

- Не надо, - она встала. - Сама.

Она собрала чемоданы молча, молча надела пальто, молча положила ключи на тумбочку в коридоре. Уже у двери обернулась, и Дмитрий увидел, что она плачет - беззвучно, аккуратно, не портя макияж. Это тоже было в ней отточено до автоматизма.

- Ты пожалеешь, - сказала она тихо.

- Возможно, - согласился он. - Но не сегодня.

Дверь закрылась мягко. Дмитрий постоял в прихожей, потом прошел в кухню, налил воды, выпил залпом и поставил стакан. В квартире стало тихо так, что он услышал, как за стеной у соседей бормочет телевизор. Он сел на диван, включил его тоже - не для того, чтобы смотреть, а чтобы был хоть какой-то звук. Через минуту выключил.

Ключи на тумбочке блестели в свете уличного фонаря, что проникал через окно кухни и падал на стену коридора. Он взял их, повертел в руках и убрал в ящик, подальше - не выбрасывать же. За окном отъехала машина, и он проводил ее взглядом, не испытывая ни облегчения, ни боли.

Только усталость, ровную и глубокую, как после долгой дороги. Завтра надо было на работу, потом в банк, потом еще куча дел, которые он откладывал. Теперь откладывать было нечего и не перед кем.

Он просидел на диване до половины первого, пока не понял, что просто не может заставить себя встать и пойти в спальню. Там всё ещё пахло её духами, и на подушке, он знал, остался длинный светлый волос.

Дмитрий встал, сходил в гардеробную, достал постельное белье и перестелил кровать, свалив старое в стиральную машину. Потом открыл окно в спальне, хотя на улице было холодно. Пусть выветрится. Он лег и почти сразу уснул, и снов не было.

Утром он проснулся от будильника, как обычно, и первые несколько секунд всё было нормально. Потом вспомнил. Лежал, смотрел в потолок и думал, что самое неприятное - это не скандал и не слёзы, а вот эта необходимость жить дальше по расписанию, когда внутри ничего не изменилось, кроме одного факта, который теперь надо носить с собой везде.

На работу он всё-таки пошёл. Дел было много, и это оказалось спасением.

На работе держался ровно. Коллеги ничего не заметили, только Игорь, его лучший друг, его брат по жизни.

- С тобой все нормально?

- Не выспался

- И все?

- Нет, но говорить не хочу

- С Леной что-то?

Дима бросил взгляд на коллегу

- Ой, вот не надо этих взглядов. Ты чувствуешь ложь, я чувствую эмоции

- Да уж… два сапога-пара

- Э, нефиг меня к себе приписывать – Игорь рассмеялся

- Так, что за посиделки и без меня? – Сергей сел на соседнее кресло

- Да вот рассуждаем, как нас таких уникальных занесло в эту жизнь – Игоря веселило все происходящее

Сергей окинул друзей взглядом.

- Майор – чувствующий ложь, майор – чувствующий эмоции, и самый обычный из этой троицы майор

- Слышь, Дим, он себя в обычные записывает, нюхач обычный, новый подвид человека…

За столом громыхнул смех. Коллеги оглядывались на эту троицу, но молчали.

Дмитрий расслабился и наконец почувствовал вкус своего обеда.

Они познакомились в детском доме, и тогда поняли, что не одиноки в своих проклятиях. Вернее не так, после происшествия, они поняли, что стали другие.

После работы Дмитрий поехал в банк, как и планировал, закрыл один счёт и перевёл деньги на другой, оформил бумаги на машину. Всё это он откладывал месяца четыре, с тех пор как начал подозревать. Теперь с этим было покончено за сорок минут.

Домой он вернулся к семи, поставил чайник и сел есть прямо из кастрюли, потому что готовить было лень, а мыть потом одну тарелку вместо двух показалось ему почти приятным. После ужина обошёл квартиру, собирая её вещи, которые она забыла: зарядку от телефона, шарф на крючке, книгу на подоконнике с загнутой страницей, какие-то склянки в ванной. Он сложил всё в коробку, заклеил скотчем и поставил в коридоре у двери. Отправлять или оставлять - решит потом. Звонить ей он не собирался.

Глава 3

- Товарищ майор, там бухгалтер приехала

- Проводи в допросную

Дело Ахмедова Руслана лежало на столе. Он еще раз пробежался по показаниям самого Ахмедова о краже денег, потом по показаниям его невестки, которая уверяла, что брат Ахмедова погиб случайно и деньги она видела, но не брала. Ложь. Женщина врала буквально в каждом слове.

Дмитрий вышел из кабинета и зашел в первую допросную. Он надеялся психологически надавить на женщину, хотя бы только тем, что ее привели не в кабинет. А в допросную.

Она сидела спиной к нему. Он зашел, обошел стол, а потом посмотрев на нее, его сердце пропустило удар.

Это была она…та…что не позвонила

- Добрый день, меня зовут Покровский Дмитрий Владимирович, старший следователь по особо важным делам.

Она подняла глаза. В ее взгляде он прочитал беспокойство, страх и узнавание. Она узнала его.

- Здравствуйте

- Назовите полное имя

- Орлова Анастасия Викторовна

- Есть идеи почему вы тут?

- Видимо Ахмедом Руслан Рустамович обвинил меня в пропаже денег

- Вы взяли деньги?

- Нет, я не брала – она вздохнула

Дмитрий улыбнулся, вспоминая ту их единственную встречу прошлой весной. За столько лет она единственная, кто в разговоре с ним не врал. И он тогда действительно наслаждался и кофе, и собеседницей.

- Кто, по-вашему, мог взять?

- Я не знаю, правда. Код от сейфа был у меня и Руслана Рустамовича. Кто еще мог знать код, мне не известно.

- Ахмедов сказал, что вы ему звонили и извинялись за что-то. За что?

- Я оставила свою записную книжку в офисе, на столе. В ней был записан код от сейфа. Я могу предположить, что кто-то увидел это код…поэтому я извинилась.

- Записная книжка у вас с собой?

Она кивнула, достала из сумки книжку, и протянула Дмитрию.

- Могу я открыть и посмотреть содержимое?

- Да, конечно

Дмитрий открыл записную книжку и стал листать. Вот тут записи телефонов налоговой, имена и отчества инспекторов, потом другие контролирующие службы, расписание кружков ребенка, список покупок с ценами, в середине записной книжки было записано четыре цифры и обведены в кружок.

- Это код от сейфа?

- Нет, это пароль от моего нового телефона. Код от сейфа дальше. Вот тут.

Она ткнула пальцем на запись, сделанную на полях страницы простым карандашом.

Дмитрий посмотрел на карандашную запись. Четыре цифры, написанные мелко, почти у самого корешка страницы. Он перевернул книжку, посмотрел страницу на свет. Ничего особенного - обычная запись, какие делают второпях, чтобы не забыть.

- Кто еще держал эту книжку в руках? - спросил он, возвращая ее Насте.

- Я оставила ее на столе в приемной. Там весь день были люди. Курьеры, клиенты, сотрудники. Кто угодно мог открыть и посмотреть.

- Почему вы не убрали ее в сумку?

- Забегалась. У меня был отчет, потом звонки, потом Руслан Рустамович попросил срочно подготовить документы. Я вспомнила про книжку только вечером, когда уже уходила.

Дмитрий записал это в протокол. Он старался не смотреть на нее слишком долго, но взгляд сам возвращался к ее лицу. Прошлой весной они просидели в кафе почти сорок минут. Она тогда рассказывала о работе, о дочери, о том, как трудно совмещать все это с постоянной занятостью. Он слушал и думал, что давно ему не было так легко с человеком. Потом она ушла, пообещав позвонить, и не позвонила. Он не обиделся - у взрослых людей так бывает. Но иногда вспоминал тот разговор.

- Анастасия Викторовна, - сказал он, выравнивая голос, - вы понимаете, что ваша записная книжка с кодом - это серьезная улика против вас? Формально вы дали доступ к сейфу любому, кто находился в офисе.

- Я понимаю. Но я не брала деньги. И готова пройти проверку на полиграфе, если нужно.

- Полиграф - это потом. Сейчас меня интересует другое. Ахмедов сказал, что брат погиб случайно. Вы видели, как это произошло?

Настя помолчала. Потом провела рукой по волосам, будто собираясь с мыслями.

- Нет, наш офис находится за стройкой. Но я слышала, как они ругались перед этим. Громко. Из-за денег. В кабинете Руслана Рустамовича

- Из-за каких денег?

- Руслан Рустамович должен был брату крупную сумму. Тот приехал требовать. Я не знаю подробностей, меня выставили за дверь.

Дмитрий откинулся на спинку стула. Дело начинало складываться иначе, чем он предполагал утром. Он посмотрел на Настю и понял, что верит ей. Не потому, что она ему когда-то нравилась, а потому что факты совпадали с тем, что она говорила, - и не совпадали с версией Ахмедова.

- Хорошо, - сказал он. - Пока мы вас отпустим. Но вы не должны покидать город. И записную книжку я оставлю у себя. Это теперь вещественное доказательство.

Она кивнула и встала. А потом обернулась

- Могу я забрать расписание дочери?

- Может вам его сфотографировать?

Настя достала телефон, обычный, кнопочный.

Дмитрий достал из записной книжки расписание и отдал Орловой.

Она тихо поблагодарила и вышла.

Дмитрий вернулся в кабинет и сел за стол. Записная книжка лежала перед ним, и он еще раз открыл ее на той странице, где карандашом были выведены четыре цифры. Мелкий почерк, цифры прижаты к корешку -так пишут, когда торопятся и когда не хотят, чтобы написанное бросалось в глаза. Он взял лупу и стал рассматривать страницу по краям. На верхнем поле, чуть левее кода, проступал слабый след от шариковой ручки. Кто-то начинал писать здесь, потом передумал и вырвал лист? Он посмотрел на корешок -нет, листы были целы. Значит, кто-то писал на странице, лежавшей сверху, и ручка продавила бумагу.

Он вызвал эксперта-криминалиста

- Леонид Николаевич, можно снять отпечатки с этой страницы и с книжки в целом? Исключив мои отпечатки и владелицы.

- Покровский, ты издеваешься?

Пожилой эксперт сидел в кабинете Дмитрия, пил чай.

- Если бы

- Твои опечатки в базе есть, нужны отпечатки владелицы, чтобы я мог их исключить

- Я приеду с ней завтра

- Ты? -эксперт приподнял бровь – ну приезжай

Когда эксперт ушел, Дмитрий позвонил в офис Ахмедова и попросил прислать список всех, кто входил в приемную в тот день. Разговор с секретарем занял минут десять, и за это время Дмитрий выписал фамилии курьеров, двух клиентов и трех сотрудников. Отдельно он пометил имя водителя Ахмедова, который, по словам секретаря, заходил в приемную за подписью на путевом листе.

- Анастасия Викторовна, добрый вечер. Покровский беспокоит

- Да – он слышал волнение в ее голосе

- Мне необходимо, чтобы вы сдали свои отпечатки. Это добровольно, вы вправе отказаться. Просто ваш ежедневник отдали на экспертизу и необходимо исключить ваши отпечатки с книжки и ваши отпечатки с сейфа. Хотя…

Дмитрий прочитал протокол первичного осмотра. Сейф был протерт, скорее всего спиртовой салфеткой.

- Да, конечно. Скажите куда подъехать и во сколько?

- Я сам за вами подъеду. В восемь утра устроит?

- Эммм…да…

Он почувствовал горечь, легкую

- Что-то не так?

- Нет, просто мне ребенка нужно будет к восьми в садик отвезти.

- Где находится детский сад?

- В Ленинском районе…

Дмитрий бросил взгляд на карту города. От ее места жительства это достаточно далеко.

- Хорошо, я подъеду к вам в семь утра, отвезем ребенка в детский сад и поедем к криминалистам

Он слышал ее вздох. Тяжелый, волнительный.

- Утром пробки, давайте я сама приеду, просто скажите адрес.

- То есть по пробкам на автобусе вы готовы ехать, а в машине следователя с ветерком - нет? - он усмехнулся, но тут же стал серьезным. - Анастасия Викторовна, я не настаиваю. Но с учетом того, что вы проходите по делу, мне все равно нужно вас видеть завтра. Вопрос только в том, как вы доберетесь.

На том конце провода повисла пауза. Он слышал, как она прикрыла трубку рукой, что-то сказала кому-то в сторону - видимо, дочери, - потом вернулась.

-Хорошо, - сказала она тихо. - Если вам так удобнее, подъезжайте. Только я живу на Северной, дом четырнадцать, это пятиэтажка за магазином. Квартира двенадцать, второй этаж. Только там двор не проездной, машину придется у дороги оставить.

- Я знаю ваш адрес, так что разберусь, - ответил Дмитрий - В семь утра, Настя. Постарайтесь не задерживаться.

Он сам не заметил, как назвал ее по имени, без отчества. Она, кажется, тоже заметила, но ничего не сказала -только коротко попрощалась и положила трубку.

Глава 4

Утром он вышел из дома в половине седьмого. Город еще не проснулся окончательно, но дороги уже наливались машинами, и он то и дело поглядывал на часы.

У дома на Северной припарковался у обочины, как она и сказала, и минут десять ждал, пока во дворе не показалась женщина в темном пальто с маленькой девочкой за руку. Настя шла быстро, чуть наклонившись к ребенку, что-то ей говорила. Увидев его машину, она сбилась с шага, но тут же взяла себя в руки и подошла.

- Доброе утро, - сказал он, выходя и открывая заднюю дверь. - Садитесь.

Девочка, лет пяти, с двумя косичками и рюкзаком за спиной, посмотрела на него настороженно и прижалась к матери.

- Доча, это дядя Дима, он нас подвезет, - сказала Настя спокойно, точно репетировала эти слова всю дорогу до машины.

Всю дорогу до садика девочка молчала, глядя в окно, а Настя сидела рядом с ней, держа ее за руку. В садике она вышла, провела дочь. Дмитрий стоял у машины, смотрел на родителей, которые поторапливали детей. Настя вернулась достаточно быстро, села на переднее сиденье, пристегнулась и только тогда посмотрела на Дмитрия.

- Спасибо, - сказала она. - Я понимаю, что это не входит в ваши обязанности.

- Не входит, - согласился он, трогаясь с места. - Но так быстрее.

К экспертам они приехали к половине девятого. Леонид Николаевич уже был на месте, хмурый и невыспавшийся, но, увидев Дмитрия с женщиной, заметно оживился.

- Ну надо же, - сказал он, оглядывая Настю. - Покровский, ты в отпуск, что ли, собрался? Впервые вижу, чтобы ты свидетелей на личном транспорте возил.

- Проходи, - коротко бросил Дмитрий. - У нас работы на два часа, не меньше.

Отпечатки сняли быстро. Настя держалась ровно, отвечала на вопросы эксперта, мыла руки над раковиной, вытирала их насухо бумажным полотенцем. Дмитрий стоял в стороне и наблюдал за ней. Она не суетилась, не заглядывала ему в глаза, не искала оправданий. Просто делала то, что нужно было сделать, и ждала результата.

Когда экспертиза закончилась, Леонид Николаевич ушел с бумагами в лабораторию, а Дмитрий с Настей задержались в коридоре.

- Результаты будут к вечеру, - сказал он. - Но я хотел спросить не об этом. Вы сказали, что слышали, как братья ругались из-за денег. Вы можете вспомнить, что именно говорил брат Ахмедова? Может, он называл сумму или срок?

Настя задумалась. Она смотрела в окно, за которым накрапывал дождь, и Дмитрий в очередной раз поймал себя на том, что ему хочется стоять вот так дольше. Просто стоять и молчать.

- Он сказал, что Руслан Рустамович тянул полгода, а теперь на нем висит долг перед людьми, которые не любят ждать. И еще… - она нахмурилась, вспоминая. -Еще он сказал: «Если я не заплачу за тебя, они придут за твоей семьей». Я запомнила эту фразу, потому что она мне показалась угрозой.

Дмитрий кивнул и записал это дословно. Теперь картина выстраивалась совсем иначе. Ахмедов не просто обвинял бухгалтера в краже - он спешил закрыть дыру, которая образовалась задолго до пропажи денег. И версия о случайной гибели брата начинала трещать по швам.

- Спасибо, -сказал он. - Вы очень помогли. Как зовут вашу дочь?

- Стефания – Настя улыбнулась

- Мне показалось, или она боится чужих?

- Боится

- Где ее отец?

Настя повернулась к Покровскому.

- Где ее отец? – повторил он, и Настя наконец посмотрела ему прямо в глаза.

- Уехал, – сказала она. – два года назад. Сказал, что не готов, что это слишком. Собрал вещи и уехал, и с тех пор я о нем ничего не слышала. Стефания его почти не помнит.

Дмитрий молчал. Он думал о том, что за эти дни слышал от Насти столько коротких, ровных фраз, за которыми стояло больше, чем в иных длинных объяснениях. Она не просила жалости, не жаловалась, не пыталась представить себя жертвой обстоятельств. И что больше всего его подкупало, она говорила правду. Но сейчас он чувствовал легкую горечь, она не врала, но и не договаривала.

- Я спрашиваю не из праздного любопытства, – сказал он наконец. – В таких делах важно знать, кто вокруг свидетеля. Кто может надавить, кто может появиться. Если он вернется или начнет искать встречи с дочерью, вы должны мне сказать. Не потому, что я лезу в вашу личную жизнь, а потому, что это может быть связано с делом.

- Я понимаю, – кивнула Настя. – Он не вернется. Я в этом почти уверена. Но если что-то изменится, я скажу.

Они вышли из здания вдвоем. Дождь усилился, и Дмитрий раскрыл зонт, под которым они дошли до машины. Настя села на переднее сиденье, пристегнулась и посмотрела в окно. Он завел двигатель, но с места не трогался. В салоне было тихо, слышно было только, как стучат капли по крыше.

- Вы голодны? – спросил он. – Мы не завтракали, а времени до вечера много.

- Я не могу, – ответила она. – Мне нужно забрать Стефанию в час. Садик закрывается на ремонт, и я договорилась, что ее переведут в другой, но нужно съездить и оформить бумаги. Ахмедов отстранил меня от работы, поэтому в офис мне не нужно

- Тогда я вас подвезу, – сказал Дмитрий, и это вышло у него слишком быстро, так, что он сам удивился. – Если вы не против.

Настя повернулась к нему и долго смотрела. В ее взгляде не было ни благодарности, ни настороженности, ни того привычного напряжения, с которым свидетели обычно смотрят на человека, ведущего их дело. Было что-то другое, чего он не смог назвать.

- Вы не обязаны, – сказала она наконец.

- Знаю, – ответил он. – Поэтому и предлагаю.

Дмитрий высадил ее у садика без четверти час и остался ждать в машине. Стефания вышла вместе с матерью и на этот раз посмотрела на него менее испуганно. Она держала в руке рисунок, на котором было нарисовано что-то желтое и круглое, и Настя, заметив его взгляд, улыбнулась.

- Это солнце, – сказала она. – Она рисует его каждый день. Говорит, что если нарисовать много солнц, то дождь закончится.

- Значит, нам нужно много солнц, – отозвался Дмитрий, и девочка впервые посмотрела на него без страха – я знаю одно место, там всегда есть солнце. Хочешь посмотреть?

Стефания активно закивала головой, смешно улыбаясь.

Дмитрий улыбнулся в ответ, открывая пассажирскую дверь

Детское кафе на набережной выглядело слишком ярко для такой серой погоды. Внутри было светло. Тихо. А на потолке было сделано солнце из желтых лам и облака из голубых.

- Смотри – Дмитрий указал на потолок

Стефания подняла голову, заливисто рассмеялась и начала кружиться вокруг своей оси. Настя улыбалась. глядя на дочь.

Дмитрий поймал себя на мысли, что ему очень комфортно в их обществе.

Они сели за столик у окна. Стефания сразу потянулась к стакану с цветными карандашами, которые стояли в центре, и Настя, не глядя, поправила ей воротник. Дмитрий заказал кофе и два какао, паста с сыром для девочки. Два салата для них.

- Может что-то существенное заказать?

- Не нужно. Спасибо

Когда официантка отошла, понял, что не знает, с чего начать разговор. За окном дождь стучал по стеклу ровно и без злобы, как будто нарочно давал им время помолчать.

– Вы сказали, что Ахмедов отстранил вас от работы, – начал он. – Что именно он вам сказал?

Настя отломила кусочек печенья, положила перед дочерью.

– Сказал, что пока идет следствие, мое присутствие в офисе нежелательно. Что это временно. – Она помолчала. – Голос у него был спокойный, но он ни разу не посмотрел мне в лицо. Подписал приказ и вышел. Я проработала у него почти два года, а он не нашел для меня даже пяти минут разговора.

– А до этого? Вы замечали что-то необычное в его поведении? Может, он нервничал, пропадал из офиса, звонил кому-то чаще обычного?

– Он пропадал, – кивнула Настя. – Последние месяца два. Приезжал позже, уезжал раньше, а в бухгалтерию заходил только с проверками, это было не похоже на него. Раньше он заходил просто так, спрашивал, как дела, шутил. А потом как отрезало. – Она посмотрела на дочь, которая увлеченно рисовала новое солнце на салфетке. – Я тогда решила, что у него проблемы со вторым бизнесом. Что он не хочет, чтобы об этом знали сотрудники. Мне и в голову не пришло, что дело в другом.

- Со вторым бизнесом?

- У него сеть автомоек, но они по документам принадлежат его двоюродному брату.

Дмитрий записал это в блокнот, хотя запоминать уже не было нужды. Каждая деталь ложилась в общую картину, и картина эта ему не нравилась.

Стефания оторвалась от рисунка и протянула ему салфетку.

– Вот, – сказала она. – Это тебе.

На салфетке было нарисовано солнце с длинными лучами и рядом что-то отдаленно напоминающее машину.

– Спасибо, – серьезно сказал Дмитрий. – Это лучшее солнце за сегодня.

Девочка засмеялась, будто он сказал что-то очень смешное, и снова уткнулась в карандаши. Настя смотрела на них обоих и молчала.

– Она редко так быстро идет на контакт, – сказала она тихо, когда дочь снова занялась рисованием. – Обычно ей нужно время. А с вами… – Она не договорила и покачала головой. – Не знаю.

– Может, дело в машине, – отозвался Дмитрий. – Дети любят машины.

Настя улыбнулась, но как-то невесело.

– Дело не в машине, – сказала она. – Просто она чувствует, когда человек не притворяется.

Эти слова задели его сильнее, чем он ожидал. Он привык, что свидетели его либо боятся, либо недолюбливают, либо стараются быть полезными из страха. А здесь было что-то другое, и он не знал, что с этим делать. Проще всего было думать о деле, о фактах, о версиях, но мысль упрямо возвращалась к женщине напротив, к тому, как она держит чашку, к тому, как поправляет дочери косичку.

– Настя, – сказал он, и она подняла глаза. – Я хочу, чтобы вы понимали одну вещь. Пока идет следствие, вы в опасности. Не потому, что вы что-то сделали, а потому, что вы слишком много слышали. Брат Ахмедова мертв, и тот, кто стоит за этим, может решить, что вы тоже представляете угрозу. Поэтому предложение подвезти вас – это не только вежливость.

– Я это понимаю, – ответила она спокойно. – Я понимаю это с того самого дня, когда меня вызвали. Просто мне не к кому обратиться. Родители далеко, подруг, которым можно было бы все рассказать, у меня нет.

Дмитрий допил кофе и посмотрел на часы. До вечера было еще далеко, и он вдруг поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы этот день заканчивался слишком быстро.

Глава 5

Он поставил чашку на блюдце и достал из кармана телефон. На экране висело два пропущенных от Ковалева. Значит, что-то появилось.

Он перезвонил коротко, отошел на два шага к окну, чтобы не слышала девочка, и слушал молча. Ковалев говорил быстро: экспертиза по бумагам из бухгалтерии показала, что часть платежей последних месяцев шла на счета фирм-однодневок, и одна из этих фирм зарегистрирована на адрес, который уже всплывал в деле. Ахмедов не просто так стал приезжать позже и уезжать раньше - он ездил подписывать.

– Я вернусь через час, – сказал Дмитрий в трубку и положил телефон обратно в карман. Настя смотрела на него, не спрашивая, но по ее лицу было видно, что она ждет.

– Это по делу, – сказал он, садясь обратно. – Ваши документы, которые вы отдали, кое-что подтвердили. Платежи шли не туда, куда должны были. Ахмедов знал об этом раньше, чем началось следствие. Скорее всего, именно поэтому он и убрал вас с глаз - не потому, что подозревал, а потому, что боялся, что вы заметите то, чего замечать не должны.

Настя медленно кивнула.

– Я и заметила, – сказала она. – Но тогда решила, что мне показалось. Один платеж был на сумму, которой в договоре не было. Я спросила у него, он сказал, что это аванс по новому контракту, что документы подпишут позже. Я записала себе в блокнот, чтобы не забыть, но потом он принес подписанный договор задним числом. И все стало на свои места.

– У вас сохранился этот блокнот?

– Он у меня дома. В ящике стола.

Дмитрий сделал пометку у себя, хотя теперь уже понимал, что блокнот - это не мелочь, а кусок доказательства. Если в нем записан первоначальный платеж с датой, а договор подписан позже, то это сразу показывает, что Ахмедов врал. И не только врал - заметал следы.

Стефания отложила карандаши и потерла глаза кулачками. Настя посмотрела на нее и сказала, что пора собираться, что они и так засиделись. Дмитрий поднялся первым, помог девочке надеть куртку, застегнул молнию, хотя она и сама умела, и она это приняла как должное, будто он делал так всегда.

На улице дождь почти перестал, только с крыш еще капало крупными редкими каплями. Машина стояла у тротуара, и Дмитрий открыл заднюю дверь, подождал, пока Настя усадит дочь, потом обошел машину и сел за руль. В зеркале заднего вида он видел, как Стефания прижимается к матери, а Настя одной рукой держит ее за плечо и смотрит в окно, на мокрый город.

– Я заеду за блокнотом, – сказал он, не поворачивая головы. – Сегодня, если можно.

– Можно, – ответила она. – Только у нас не прибрано. Я не ждала гостей.

– Я не гость, – сказал Дмитрий и, помолчав, добавил: – Я не буду заходить дальше прихожей. Мне нужен только блокнот.

Она не ответила, но он в зеркале увидел, как она чуть улыбнулась, и эта улыбка была не из вежливости, а от того, что он сказал именно то, что нужно было сказать. Дворники смахивали капли со стекла, за окном проплывали дома, аптека, автобусная остановка с людьми под зонтами. Стефания заснула раньше, чем они выехали на кольцо, и Настя придерживала ее голову, чтобы та не сползала с плеча.

Двор у них был старый, с тополями, которые давно не стригли, и с качелями, у которых одна цепь была короче другой. Дмитрий припарковался у крайнего подъезда и заглушил двигатель. Настя сидела тихо, не торопилась выходить, и он понял, что она собирается что-то сказать.

– Вы думаете, это он убил брата? – спросила она.

Вопрос был прямой, без обходных путей, и он вдруг почувствовал, что не имеет права отделываться формулировкой «следствие разбирается». Но и обещать ничего не мог.

– Пока у нас нет ответа на этот вопрос, – сказал он. – Мы знаем, что Ахмедов врал по документам. Это много, но это не всё. Вранье в бумагах еще не доказывает убийство. Мне нужно понять, кто из фирм-однодневок был промежуточным звеном, и кто именно выводил деньги. Ахмедов умел устроиться так, чтобы подписывать, но не касаться руками. Такие никогда не пачкаются сами.

– А кто пачкается?

– Вот это я и хочу узнать.

Она кивнула, вышла первой и наклонилась к задней двери, чтобы разбудить Стефанию. Девочка проснулась не сразу, села в кресле с закрытыми глазами, и мать взяла ее на руки, хотя та была уже тяжелая. Дмитрий предложил понести, но Настя отказалась, и он не стал настаивать. По лестнице они поднимались молча, свет на площадках был тусклый, лампочка на третьем этаже не горела вовсе.

В квартире пахло чем-то вареным и стиральным порошком. Настя включила свет в прихожей, сняла с дочери куртку и отправила умываться. Стефания, сонная, поплелась в ванную, и Дмитрий остался стоять у двери, как обещал, на границе прихожей и коридора.

– Я сейчас, – сказала Настя и ушла в комнату.

Он ждал, разглядывая полку для обуви, где рядом с детскими сапожками стояли две пары взрослых туфель, и крючок с одинокой дамской сумкой. Было слышно, как в ванной шумит вода. Квартира однокомнатная, ничего вычурного, все скромно, но при этом со вкусом.

Дмитрий сравнил со своей квартирой. Несмотря на то, что в ней полгода жила женщина, уютной квартира так и не стала.

Настя вернулась через минуту с блокнотом в руках - обычным, в клетку, с загнутыми уголками и заложенной посередине промокашкой.

– Вот, – сказала она, отдавая его. – Здесь всё, начиная с апреля. Я потом еще записывала, уже просто так, по привычке. Он не знал, что я пишу. Замечала главный бухгалтер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.